

УДК 811.11.2'.373.2

КОНЦЕПТ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Р. М. Скорнякова

CONCEPT AS FUNCTIONAL SYSTEM

R. M. Skornyakova

С позиций лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как динамическая функциональная система, способная к саморазвитию и самоорганизации в процессе функционирования. Функциональность концепта как системы отражает его способность к проявлению новых свойств репрезентирующих его единиц, приобретению доминирующего или периферического характера его компонентов (ядро – периферия).

According to the lingua-cultural approach concept is interpreted as a dynamic functional system capable of self-development and self-organisation while its functioning. Functionality of a concept as a system reflects its capacity to show new features of its representatives and to acquire dominant or peripheral properties of its components (kernel – periphery).

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, функциональная система.

Keywords: linguistic-culturology, linguistic worldview, concept, functional system.

В рамках лингвокультурологического подхода, который положен в основу настоящего исследования, языковые средства, репрезентирующие концепт, рассматриваются с точки зрения их роли в отображении культурного содержания в значениях языковых единиц. С этой точки зрения, для научного контекста нашей работы актуально положение В. А. Пищальниковой о том, что **значение и концепт** отражают разные параметры языкового содержания: «Если значение в основном вычленяет и фиксирует составные части содержания (элементы) языковой единицы, то концепт моделирует его порождение и функцию» [6, с. 77].

Следовательно, с позиций одной из новых научных дисциплин – лингвокультурологии, которая в качестве основного объекта исследования рассматривает концепт, происходит смещение внимания к функциональной стороне языка, поэтому концепт понимается нами не как пассивное хранилище языковых средств, а как динамическая функциональная система.

Идея функциональной системности, имеющая давнюю традицию, разрабатывалась как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Так, согласно В. фон Гумбольдту, язык представляет собой вечно порождающий себя организм: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как создающий процесс (Erzeugung) [2, с. 69]. Акцентируя необходимость рассмотрения языка как процесса, В. фон Гумбольдт вовсе не исключает возможности исследования языка как продукта, результата этого процесса. Он лишь подчеркивает, что именно процесс постоянного взаимодействия с духовной деятельностью и есть истинное бытие языка, его феноменальная эволюция. Язык и дух тождественны функционально, хотя основания такого функционального слияния двух разных феноменов остаются для него неясными.

А. А. Потебня в книге «Мысль и язык», вслед за В. фон Гумбольдтом, подчеркивает деятельностный характер языка в своем учении о внутренней форме слова. Выделяя значение и представление, ученый

называет представление внутренней формой и рассматривает его как структурообразующий элемент значения, подчеркивая, что слово служит лишь точкой опоры для мысли. Способ организации значения, по А. А. Потебне, может изменяться изнутри, потому что под влиянием конкретных условий познавательной деятельности изменяется доминантный признак познавательной структуры, соотносимой с данным словом. В его лингвистической концепции сущность языка понимается как беспрестанное стремление к совершенствованию языковых форм, как постоянное развитие: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [7].

Функциональный характер системности отмечает и американский ученый Э. Сепир. В его концепции, язык есть вполне оформленная функциональная система в психической или «духовной конституции человека». Понимание значения как принципиально динамической структуры, позволяет ему сделать следующий вывод: «Следовательно, в языке постоянна лишь его внешняя форма; внутреннее же его содержание, его психическая значимость и интенсивность меняется в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности, и от общего умственного развития» [8, с. 134].

Еще более определенно говорит об этом А. А. Леонтьев. Он отмечает, что «система языка выступает в реальном развитии языка как известная форма взаимодействия составляющих процесса развития – как его образующих, так и условий. Это те факторы, взятые как целое, которые обуславливают употребление в данный момент именно данного элемента, в их взаимной обусловленности» [3, с. 62]. Ученый называет данные факторы общественными и подчеркивает их роль в реализации заложенных в самом языке возможностей его организации и развития: «Но общественные факторы имеют свою «точку приложения» не в языке как абстрактной системе, а в совокупности конкретных речевых си-

туаций, в речевой деятельности. Именно в речевой деятельности осуществляется воздействие на язык этих социальных факторов, и лишь через ее посредство они отражаются в языке как таковом» [3, с. 29].

В разработку теории функциональных систем основополагающий вклад внес и П. К. Анохин. Ученый рассматривает функциональную систему как самоорганизующуюся динамическую структуру, вся деятельность которой обеспечивает тот или иной полезный для системы результат [1]. Иначе говоря, он формулирует теорию саморегуляции функциональных систем, утверждая, что при необходимости элементы функциональных систем могут взаимодействовать (саморегулироваться). Аналогичным образом можно охарактеризовать **концепт как функциональную динамическую самоорганизующуюся систему**.

В процессе разных видов деятельности индивида (физической и умственной, в том числе и речевой) ее мотивы изменяются, и, следовательно, модифицируется ее цель. А ведь именно цель речевой деятельности является главным фактором, образующим системность речи. Таким образом, в изучении концепта, представляющем то или иное культурное содержание, важно определить **доминантный мотив**, влияющий на структурирование концепта (на взаимодействие и иерархию его составляющих). Продemonстрируем эту закономерность на примере концепта «труд» в немецкой и русской языковой картине мира.

Традиционно считают, что функциональные связи, т. е. связи между элементами системы с точки зрения их функций, можно условно разделить на внутренние и внешние. Первый вид функциональных связей выделяется внутри системы. Так, функция одного из элементов системы по отношению к другому или другим элементам выявляется, например, в рамках лексико-семантической группы с доминантой *труд/Arbeit*. Однако с позиций функциональной системности синонимия рассматривается как свойство, характерное лишь для определенного состояния языковых систем. В этой связи В. А. Пищальникова отмечает: «Синонимы» – это отдельные, зафиксированные «точки» эволюции некоего значения. Это «становящиеся», осуществляющиеся, приобретающие бытийность новые значения, репрезентированные новыми субстанциями» [5, с. 57]. В реальном функционировании слово в зависимости от мотива речевой деятельности может утрачивать синонимические связи с конститuentами указанной лексико-семантической группы. Так, во фразе *Тожe мне работа! Она же ничего не делает!* у слова *работа* реализуется скорее противоположное понятийное содержание, позволяющее ему включиться в лексико-семантическую группу *лень/Faulheit*. Следствием этого является не только изменение структуры названных лексико-семантических групп, но и всего лексико-семантического поля, конститuentами которого они являются.

Внешние функциональные связи, т. е. связи за пределами интересующей нас системы, дают возможность установить:

во-первых, связи между разными системами, во-вторых, связи между анализируемой системой и окружающей действительностью.

Примером первого вида являются внешние связи концепта, т. е. связи концепта «труд» с другими концептами, прежде всего, с концептом «лень», что оправдывает рассмотрение антонимических связей номинантов исследуемого концепта. Причем с учетом функционального характера системности антонимия, так же как и синонимия, не рассматривается как константное свойство языковых систем. В процессе функционирования в зависимости от мотива речевой деятельности слова-антонимы, вербализующие концепты «труд» и «лень», могут утрачивать антонимические связи и, наоборот, слова-синонимы, репрезентирующие концепт «труд», могут становиться антонимами. Так, лексема *лень* не вступает в антонимические отношения с номинантами труда в том случае, когда речь идет о созидательном характере лени, ср.: *Лень – двигатель прогресса; конструктивная лень*. Более того, в одной и той же лексеме может реализовываться противоположное понятийное содержание. Так, в ироническом изречении *Где бы ни работать, только бы не работать*, выражающем одну из жизненных стратегий носителей русского языка, в глаголе *работать* актуализируются противоположные семы, поэтому он может быть одновременно отнесен и к лексико-семантической группе с доминантой *труд*, и к лексико-семантической группе с доминантой *лень*. В результате этого изменяется не только соотношение компонентов лексико-семантических групп с доминантами *труд/Arbeit* и *лень/Faulheit*, но и структура лексико-семантического поля в целом.

В реальном функционировании связи между системой языка и культурой, представляющие наибольший интерес с точки зрения лингвокультурологического подхода, учитывают иерархию и степень влияния различных культурологических факторов (исторических, экономических, социальных, общественно-политических) на функции элементов системы. Так, новые тенденции в сфере трудовой деятельности Германии и России приводят к возникновению неологизмов и эвфемизмов, в которых фиксируются новые отношения между выделяемыми компонентами концепта «труд». Немало новых номинаций связано в частности с проблемой безработицы. В настоящее время эта проблема особенно обострилась в связи с финансовым и производственным кризисом, который коснулся как Германии, так и России. Так, в Германии акции протеста против сокращения рабочих мест и увольнений приводят к образованию неологизмов-эвфемизмов, ср.: *schlanke Produktion, verschlanken, schlanker Staat, die Schlankheitskur*. В основе указанных слов лежит прилагательное *schlank* (стройный, тонкий). Этими эвфемизмами, сравнительно недавно появившимися в немецком языке, называют стратегию производства, при которой сокращаются рабочие места. Подобная закономерность характерна и для русского языка. Обострившаяся проблема безработицы за последние несколько месяцев вызвала к жизни сле-

дующие новообразования эвфемистического характера: *отправить за ворота, остаться на улице, работать за того парня* (т. е. работать за уволенного).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что соотношение системы языковых средств, вербализующих концепт, задается культурологически. Это соотношение динамическое, формирующееся в процессе функционирования, задает новую структуру концепта и новую иерархию его компонентов. Примером может служить соотношение в современном немецком языке таких номинантов концепта, как *die Arbeit* и *der Job*. Лексема *der Job* была заимствована из американского английского языка после 1945 г. В настоящее время она получила широкое распространение, первоначально в языке молодежи, а затем и в официальной речи. Закрепляясь в немецком языке, это заимствованное слово постепенно начинает конкурировать с исконно немецким словом *die Arbeit*, что находит отражение в его вытеснении не только в употребительных сложных словах, но и в устойчивых словосочетаниях. Данную тенденцию можно объяснить только изменением структуры и содержания концепта. По мнению В. А. Пищальниковой, «иноязычное влияние активизируется тогда, когда стабильное реальное равновесие между системой языка и средой его бытования – концептуальной системой – очевидно нарушается» [5, с. 54]. В связи с тенденцией изменения отношения к труду в современном немецком обществе слово *die Arbeit* постепенно получает негативную оценку и как следствие отрицательное эмоциональное содержание, обнаруживаемое в вербальных реакциях ассоциативного эксперимента, которое начинает противоречить понятийному содержанию. Чтобы устранить эту дисгармонию, система языка начинает самоорганизовываться. Целью эволюции является стабилизация системы. Поэтому все более употребительным становится заимствованное слово *der Job*, которое характеризуется нейтральностью с точки зрения оценки и эмоционального содержания.

Из понимания концепта как функциональной системы, т. е. приобретающей свои свойства в процессе функционирования, вытекает иной взгляд на его *иерархическую структуру*. Применительно к такому объекту исследования, как концепт, иерархичность проявляется в том, что ядро и периферия концепта не являются постоянными: компоненты концепта приобретают доминирующий или периферический характер в процессе реального функционирования языковой системы как репрезентанта культуры.

Наиболее ярко иерархичность проявляется в структурном моделировании концепта. Базовый слой и когнитивные слои, формирующиеся из когнитивных признаков, представляют собой ядро концепта «труд». Интерпретационное поле, включающее представление немецкого и русского этносов о труде, относится к периферии концепта. Однако в процессе функционирования иерархия структурных элементов (ядро – периферия), а также их корреляция друг с другом как составляющих сложной целостности могут изменяться. Так, под влиянием модификации

взглядов на труд в современном немецком и русском обществе периферийные структурные компоненты, выраженные, например, граффити, авторами которых являются молодые люди, могут становиться для них ядерными. При этом граффити отражают иную систему ценностных ориентаций молодежи, отличную от системы ценностей старшего поколения. В частности, они свидетельствуют о том, что молодые люди воспринимают работу как вынужденную необходимость, ср., в немецком языке: *Bei uns kann jeder werden, was er will – ob er will oder nicht.* – У нас каждый может стать, кем хочет, – хочет он этого или не хочет; *Ich liebe die Freizeit, für sie würde ich sogar arbeiten!* – Я люблю свободное время, ради него я бы даже не отказался поработать! Подобное отношение к труду зафиксировано и в русскоязычных граффити: *Ученье – свет, а неученье – чуть свет и на работу; Болезнь-мигрень: есть охота, а работать лень; Хватит работать, пора зарабатывать!*

В содержательном плане иерархичность концепта можно продемонстрировать на примере семантического моделирования фрагмента языковой картины мира в синхронии. С этой точки зрения, на основе содержания элементов (языковых единиц) устанавливается следующая иерархия: самыми объемными образованиями являются лексико-семантические поля немецкого и русского языков, которые, в свою очередь, подразделяются на лексико-семантические группы, названные лексемами *труд/лень* и *Arbeit/Faulheit*, каждая из которых состоит из синонимических рядов. В соответствии с рассуждениями Г. С. Щура об отношениях между ядром и периферией семантического поля [9], ядро анализируемых лексико-семантических полей образует ЛСГ с доминантой *труд/Arbeit*, а к периферии относится ЛСГ, названная лексемами *лень/Faulheit*.

Однако в концепте определяющей становится его культурная значимость, и полевая модель фиксирует, таким образом, иную содержательную структуру концепта. Другими словами, его элементы, соотносимые с компонентами лексико-семантического поля, могут функционально выстраиваться в иные иерархические отношения. В этом смысле показательным является, например, изменение соотношения ядерных и периферийных компонентов лексико-семантических полей, репрезентированных устойчивыми изречениями и афоризмами, обусловленное так называемым **конфликтом мотивов** речевой деятельности. С одной стороны, существует официальная политика государства, в соответствии с которой труд оценивается как созидательная деятельность, приносящая пользу обществу. С другой стороны, каждый гражданин этого общества определяет для себя субъективную значимость трудовой деятельности, степень ее важности по сравнению с официальным статусом. Для носителей немецкого и русского языков, для которых труд не представляет большую значимость, изречения и афоризмы, выражающие эту жизненную установку, будут относиться к доминирующим, ядерным компонентам лексико-семантических полей, ср. в немецком языке: *Die Arbeit nimmt uns die Zeit weg –*

Работа отнимает у нас время; *Sich zu Tode zu arbeiten ist die einzige von der Gesellschaft anerkannte Form des Selbstmordes!* – Работать до смерти – единственная признанная обществом форма самоубийства! Ср. в русском языке: *Дураков работа любит; Всех дел не переделаешь; Рабочий день сокращает жизнь на восемь часов.*

Для концепта как функциональной системы, с одной стороны, характерна *стабильность*, с другой стороны, – *вариативность*. Иными словами, определенные существенные черты и свойства объекта, принимаемые во внимание при моделировании, остаются инвариантными и образуют стабильную основу, а другие сущностные свойства модифицируются, и поэтому рассматриваются как вариативные компоненты концепта. Стабильность функциональной системы концепта обуславливается, прежде всего, константностью языкового значения, которое стабилизируется словом – именем концепта. Под влиянием культурологических факторов различные компоненты значения представляют ядерные или периферийные элементы концепта. При этом устойчивыми в структуре концепта остаются понятие и фонетическая оболочка слова, как значимая материя, что обеспечивает понимание и возможность общения между носителями языка.

Так, в немецкой и русской языковой картине мира работа получает признаки и функции человека, в частности, ей приписывается свойство учить человека, давать ему пропитание. В этом случае *ассоциативное* значение паремий представляет ядерные компоненты концепта, а понятийное содержание и их форма, являющиеся периферийными компонентами, обеспечивают стабильность концепта, ср.: *Работа и мучит, и кормит, и учит; Ремесло – золотой кормилец; Handwerk nährt seinen Meister* (Ремесло кормит своего мастера); *Arbeit ernährt, Müßiggang verzehrt* (Труд кормит, лень проедает).

Кроме того, значение слова может представлять *оценочный* компонент как ядерный элемент концепта, а остальные компоненты значения слова относятся в этом случае к его периферии. Так, значение русской лексемы *трудоголик* в Словаре новых слов и значений [4, с. 827] трактуется следующим образом: чрезвычайно трудолюбивый работник, усердный труженик, т. е. по данным словаря значение этого слова характеризуется положительными коннотациями. Однако в процессе реального функционирования эта лексема может сопровождаться как положительными, так и отрицательными коннотациями, ср.: *Он – трудоголик в хорошем смысле этого слова. Трудоголик – это заразно.* В немецком языке эквивалентом русской лексемы является заимствованное слово *der Workaholic*, которое в толковом словаре определяется следующим образом: *jmd., der unter dem Zwang steht, ununterbrochen arbeiten zu müssen* [10, s. 1755] – кто-либо, кто испытывает навязчивую потребность беспрестанно работать. Из этой дефиниции следует, что для немецкой лексемы характерны отрицательные коннотации, которые находят подтверждение и в ее реальном функционировании, ср.: *In 6 Schritten raus aus der*

Workaholic-Falle – Программа из 6 ступеней поможет выбраться из западни трудоголизма. Лишь в редких случаях с этим словом могут быть связаны положительные коннотации, ср.: *ein patriotischer Workaholic* – трудоголик-патриот. Стабильность концепта как функциональной системы обеспечивается понятийным содержанием этих слов (человек, который много работает) и их фонетической оболочкой.

Ядерным элементом концепта может быть и *эмоциональный* компонент значения слова. Так, в высказываниях *И это твоя работа! Полюбуйся на свою работу!* реализуется негативная оценка и как следствие отрицательное эмоциональное содержание значения лексемы *работа*, которое становится доминантным мотивом речевой деятельности и тем самым ядерным элементом концепта. В немецком языке эмоциональный компонент значения лексемы *die Arbeit* выходит на первый план в следующих высказываниях с отрицательной оценкой: *Das ist keine Arbeit! Sollte das eine Arbeit sein?!* Другие компоненты значения указанных лексем образуют в данном случае периферию концепта. Его стабильность обеспечивается понятийным содержанием и фонетической оболочкой этих слов.

Таким образом, с позиций лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как динамическая функциональная система, способная к саморазвитию и самоорганизации в процессе функционирования. Функциональность концепта как системы отражает его способность к проявлению новых свойств репрезентирующих его единиц, приобретению доминирующего или периферического характера его компонентов (ядро – периферия).

Литература

1. Анохин, П. К. Избранные труды: философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
3. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. Изд. 4. – М.: КомКнига, 2007. – 216 с.
4. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / под ред. Е. А. Левашова. – СПб.: Нева, 1997. – 904 с.
5. Пищальникова, В. А. Общее языкознание / В. А. Пищальникова. – Барнаул: АлтГУ, 2001. – 240 с.
6. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 2. Этнопсихолингвистика / В. А. Пищальникова. – М.: МГЛУ, 2007. – 227 с.
7. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – С. 17 – 200.
8. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 129 – 142.
9. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 127 с.
10. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Zürich; Wien: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.